

30 ЛЕТ ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Бела К. Кираи

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ И РАБОЧИЙ КЛАСС В ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1956 ГОДА

Политика СССР по отношению к его социалистическим союзникам основывается на „доктрине Брежнева“, в которой нет ничего новаторского или впечатляющего. Эта доктрина всего-навсего утверждает, что захваченные страны должны оставаться в подчинении, пока СССР сохраняет ту устрашающую силу, какой обладает сейчас, и может поддерживать внутреннюю стабильность. Эта жестокая доктрина противоречит распространённому в современном мире принципу самоопределения наций. Но и до того, как эта доктрина была провозглашена, Советский Союз неоднократно демонстрировал свою готовность бросить вызов мировому общественному мнению, используя вооруженные силы для удержания непокорных соседей в своей орбите.

Долгая история советского военного вмешательства в дела социалистических стран началась в 1948 г. с почти незамеченного сталинского плана начать войну с титовской Югославией, чтобы вновь согнуть эту страну.¹ В 1953 г. Берлинский кризис продемонстрировал, что советские военные части готовы раздавить несогласных, если они отбиваются от рук. Третий случай советской готовности использовать силу для целей своей внешней политики имел место летом 1956 г., когда значительные советские силы были мобилизованы против социалистической Польши. Только искусность и решимость польского ру-

ководства удержали тогда Хрущева от использования армии против этой страны. Был достигнут компромисс между Хрущевым и Гомулкой. Предназначенные для Польши силы были брошены против Венгрии, и вследствие вооруженного сопротивления кризис перерос в первую между социалистическими странами войну. Следующей жертвой советской агрессии была Чехословакия в 1968 г. Дубчековский эксперимент „социализма с человеческим лицом“ был подавлен, но так как чехи и словаки не оказали вооруженного сопротивления, второй войны между социалистическими государствами не произошло. Советское вторжение в Афганистан в 1979 г. не может быть включено в эту последовательность событий, поскольку там знамя сопротивления советской агрессии было поднято не во имя социализма, но, в основном, во имя национальных и религиозных целей. В отличие от этого, сопротивление Югославии оказал коммунизм Тито, в Венгрии демократический социализм, в Польше и Чехословакии коммунизм с человеческим лицом (берлинские события не развились достаточно, чтобы породить какую-то определенную идеологию). Движение „Солидарности“ против военного правления в Польше пока еще является открытой главой в истории взаимоотношений стран Варшавского договора. Таковы рамки, внутри которых я рассмотрю природу венгерской революции 1956 г., ответную советскую агрессию против демократической социалистической Венгрии, и роль рабочего класса в венгерской революции.

Природа венгерской революции 1956 г.

Произошедшее в Венгрии в октябре–ноябре 1956 г. называют по-разному: „восстание“, „мятеж“, или „контрреволюция“. В социалистических государствах Центральной и Восточной Европы случившееся стремятся представить как что-то незначительное и, если приходится об этом упоминать, говорят о „событиях 1956 г.“. Однако это была самая настоящая и безусловная революция. Воля народа смела режим, установленный Советским Союзом, смоделированный по его образцу и сохранявшийся его силой. Насилие не было целью революционеров, но когда их к этому вынуждали, они ответили насилием на насилие.

Одно из отличительных свойств революции, которое, собственно, и делает революцию революцией в точном смысле слова — это быстрое формирование новых институтов снизу и до центральной государственной власти. В деревнях, городах, поселках, в гражданских и военных организациях, в школах, на фабриках, в сельскохозяйственных кооперативах, в судах, на народных собраниях, часто при единодушном одобрении, новое правительство устанавливало формирования, называвшиеся „революционные советы” или „национальные комитеты”. Но как бы они ни назывались, все они имели определенные общие характеристики: они выражали волю большинства; выбранные на ответственные посты пользовались доверием большинства; и даже коммунисты бывали избранными во многих местах. Короче говоря, из этих живых корней выростала демократия — свидетельство того, как привлекательна эта форма правления даже в стране, где тоталитарная теория, образование и практика насаждались в течение десятилетия, но где наследство парламентской демократии и уважения к человеческому достоинству не удалось искоренить.

Я должен сказать с полной ясностью, что демократическая природа венгерской революции 1956 г. была продемонстрирована особым образом: она не была антикоммунистической несмотря на разгул сталинистского террора между 1948 и 1953 гг. В конце концов, наиболее уважаемым государственным деятелем революции был Имре Надь, который был коммунистом. Уважением к правам человека и свободе слова объясняется это отсутствие антикоммунизма, но и еще кое-чем. Венгрия жила под владычеством Турции в течение полутора столетия и под Габсбургами четыре столетия. Иностранное господство научило венгров понимать, что можно вытерпеть ради сохранения национального единства, не поддаваясь при этом давлению как со стороны турок, так и со стороны Габсбургов. Они научились быть всегда верными своим принципам, несмотря на компромиссы в повседневной жизни, — т. е. вести реальную политику. В 1956 г. мы полностью отдавали себе отчет, что, имея СССР соседом, Венгрия не может позволить себе роскоши быть антикоммунистической.

Считается, что венгерская революция 1956 г. потерпела

поражение. Это мнение так распространено, что почти безнадежно пытаться его опровергнуть. Но на самом деле эта революция была победой. Что такое революция, если не свержение старого порядка и установление новой политической и (или) социальной и (или) экономической системы? Революция — это событие внутренней жизни. Внутри Венгрии она была полностью успешной. Не оказалось внутренних сил, которые могли бы свергнуть новый режим и восстановить старый или установить какой-либо иной против общей воли революционеров. Последнее правительство Имре Надя, образованное коалицией традиционных демократических партий, было составлено в соответствии с чаянием венгерского народа и выражало его убеждения. Оно возродило основные принципы политической демократии, но не касалось основной структуры общественной собственности на средства производства, то есть оставило социалистическую структуру венгерской экономики неизменной. Правительство Надя намеревалось провести общие свободные выборы, и после этого было бы решено, оставит ли будущий парламент все как было 4 ноября 1956 г. и хочет ли венгерский народ жить при социалистической экономической системе. Я считаю, что так бы оно и было. Но несомненно желание народа иметь демократическое правительство, установленное демократическим путем. Если бы Венгрии предоставили самой себе, будущее демократии в этой маленькой стране было бы гарантированным. В этом смысле революция была безусловным триумфом. Венгерское демократическое социалистическое правительство было уничтожено не внутренними силами, а внешней — силой советской армии.²

Возможно, здесь не будет неуместно обратиться к личным воспоминаниям об уловках СССР против своего маленького соседа. В военные операции был вовлечен даже дипломатический корпус. 2 ноября 1956 г., в полдень, премьер-министр Венгрии Имре Надь ознакомил меня с устным ультиматумом, только что полученным им от Юрия Владимировича Андропова, полномочного министра и посла СССР, который позже продвинулся до положения председателя КГБ и генерального секретаря ЦК КПСС. Это был протест против якобы имевшей место осады советского посольства „венгерскими хулиганами”. Завершался он так:

„Если венгерское правительство окажется неспособным обеспечить безопасность советской дипломатической миссии, посольство будет поставлено под защиту советских войск”. Я быстро собрал танки, механизированную пехоту и соединения борцов за свободу около посольства, чтобы защитить его от любого нападения, и сам поспешил на место событий. К моей большой радости и изумлению, ничего похожего на осаду не было, да и вообще никого не было около посольства. Спустя некоторое время мне разрешили войти в здание посольства.

Человек спортивного вида, крупный, красивый, элегантный, с высоким лбом, смотрел мне прямо в лицо зелено-голубыми глазами, как будто хотел проникнуть в мои мысли. Улыбаясь (улыбка была холодной и фальшивой), он сказал мне: „Я посол Андропов... добро пожаловать, генерал Кирай”. Он беззвучно произнес мое имя. Но я с удивлением увидел за его спиной весь состав посольства, выставленный в шеренгу. В конце концов, я прибыл по делу, а не на церемонию. Меня удивило также, что ни один из сотрудников посольства не был в военной форме, хотя хорошо известно, что в любой советской дипломатической миссии много военных. Было очевидно, что Андропов и его сотрудники подготовились к осаде посольства, так как знали, что дня через два начнется новая неспровоцированная советская агрессия. Андропов полагал, что в штатской одежде, не в форме, его военный персонал сумеет избежать оправданного гнева венгров, жертв этой новой, готовящейся советской агрессии.

Тогда я не понимал, к чему этот церемониальный прием, и зачем Андропов теряет столько времени, представляя мне весь состав посольства. Я чувствовал, что Андропов наблюдает за каждым моим шагом. Когда бы я ни взглянул на него, его пронзительные глаза как бы снова и снова обыскивали меня. Может быть, он хотел оценить, что за человек главнокомандующий отрядами борцов за свободу (национальной гвардии) и гарнизона Будапешта. Ведь это были войска, которые будут противостоять советской атаке послезавтра. Андропов, возможно, пытался оценить: как этот человек будет командовать? Он, так сказать, проводил военную разведку.

Когда длинная церемония окончилась, Андропов громко,

чтобы все его слышали, сказал, что дело об „осаде” прекращено и что премьер-министр неверно его понял. „Здесь были только две старушки, чтобы глянуть, нельзя ли получить это место взамен их разрушенных квартир, и они ушли, — цинично добавил Андропов, — так как решили, что потолки слишком высоки, и что это место слишком трудно отапливать зимой”. Андропов рассмеялся.

„Генерал, забудем об этом, пойдем ко мне, я хочу вам сказать нечто куда более важное”, — сказал Андропов. Мы поднялись по мраморной лестнице этого прекрасного барочного венгерского дворца. Лестницы шли с двух сторон, соединяясь в балкон на втором этаже. Медленно поднимаясь, я слегка касался красивых литых перил. Андропов также медлил. Он непрерывно говорил, стараясь не упустить возможности заглянуть мне в глаза. Примерно на полдороге он остановился и повернулся ко мне. „Знаете, генерал, советские люди — лучшие друзья венгров”. Возможно, он ждал в ответ обычных разглагольствований, обязательных с советскими, что-либо вроде: „о да, мы благодарны великому советскому народу за великодушие...” Но я уже устал от лжи и претензий Андропова. Я с вызовом посмотрел на него и вежливо, но не пытаясь скрыть сарказма, ответил: „О да, я очень хорошо это знаю!”.

В первый раз Андропов показался смущенным. Несколько секунд он молчал, а затем сразу стал очень деловым. Не мешкая, он быстро пошел наверх. Я часто думал об этой внезапной смене выражения его лица. Я не мог не заключить, что мой сарказм наконец открыл Андропову, каков я есть. Он мог истолковать мой ответ таким образом, что я и в самом деле враг. Быстрая перемена его поведения наводила на мысль, что Андропов готов иметь дело и с друзьями, и с врагами, и пока он не поймет, о чем думает его сообщник, Андропов может выглядеть смущенным, бессильным и медлительным.

В своем кабинете Андропов полностью деловым тоном сказал мне, что он послал премьер-министру памятную записку. Советское правительство готово начать переговоры о выводе советских войск из Венгрии. Посол попросил меня позвонить премьеру, чтобы узнать ответ. Я так и сделал и смог сообщить Андропову, что венгерская делегация готова начать переговоры

в 4 часа дня в здании парламента и что советская делегация будет сердечно принята. Переговоры по советской просьбе были начаты только 3 ноября. В этот же день в 6 часов вечера было достигнуто соглашение о выводе советских войск. Но в полночь шестнадцать советских дивизий при поддержке двух тысяч танков начали агрессию против Венгрии.

Вскоре после полуночи я сообщил премьер-министру о первых советских атаках на наши гарнизоны в Большой Венгерской равнине. Андропов, находившийся в кабинете Имре Надя, огрызнулся: „Это, вероятно, советский ответ на венгерские провокации”. Я ответил: „Это было бы мастерской операцией — организовать провокации одновременно во многих местах и столь отдаленных одно от другого”. Он отрицал нападения советских войск, когда уже были убиты тысячи невинных венгров.

Когда советские войска вошли в пределы Будапешта, я настоял, чтобы либо премьер, либо я сам как главнокомандующий объявили бы по радио (это был единственный способ, каким мы могли общаться со сражающимися силами), что мы находимся в состоянии войны с СССР. Андропов все еще продолжал утверждать, что советское правительство не имеет этого в виду и что вооруженные стычки, если они вообще имеют место (грохот выстрелов был ясно слышен в кабинете Имре Надя, когда Андропов был еще там) — это ответ на провокации венгров. Андропов использовал дипломатическую неприкосновенность, чтобы оставаться в нервном центре революции и дезинформировать венгерское правительство. Его обманные заверения держали венгров до самой последней минуты в неведении относительно советских намерений. Советский посол был хуже пирата. Капитан пиратов поднимает черный флаг перед нападением, чтобы жертвы знали, что им предстоит.

После того, как советские войска подавили революцию, Андропов остался в Венгрии еще в течение года. Он был советским губернатором и руководил разгулом террора, не имеющим аналогии в новейшей истории Восточной и Центральной Европы. Он был верховным инквизитором современного ауто-да-фе.

Ответ военных на советскую агрессию против демократической социалистической Венгрии

Обычно позиция вооруженных сил является решающей в революции. Если они на стороне старого режима, у стремящихся изменить положение, слабые шансы на успех. Если армия становится на сторону революции, революция почти всегда триумфально побеждает. Когда первые залпы революции прогремели вечером 23 октября 1956 г. около здания радиостанции в Будапеште, поднятые по тревоге венгерские войска были брошены на подавление демонстрантов. Едва ли партийные лидеры сомневались, что армия сумеет очистить площадь. Молодые солдаты в течение всей их жизни воспитывались на партийной доктрине. Они только стали подростками, когда коммунисты захватили власть, и не знали иного правления, кроме тоталитарного, были вооружены советским оружием, снабжены советским снаряжением и обмундированием; они находились под постоянным наблюдением политических комиссаров и секретной полиции — АВН; сотрудники АВН действовали во всех военных подразделениях — от командования вплоть до роты. Венгерскими солдатами командовали офицеры, которые прошли обучение в СССР или в построенных по советскому образцу военных школах в Венгрии; их старшие командиры находились под наблюдением советских советников, которые в действительности всем распоряжались. Как могла армия при таких обстоятельствах действовать иначе как в согласии с указаниями партии?

Но в любой стране, где призыв в армию обязателен, молодые солдаты — это молодые граждане в форме. И поэтому чувства военных, спешно отправленных 23 октября к зданию радиостанции, мало отличались от чувств молодых людей в гражданской одежде, стоявших вдоль улиц и певших солдатам в уши революционные песни. Марширующие в колоннах были переубеждены такими же, как они сами, если только в этом была необходимость. При первой же конфронтации между военными и населением, вооруженные молодые люди отказались стрелять в соотечественников. Именно в этот момент будущее старого режима было поставлено под сомнение самой армией. Венгерская Народная армия показала, что, в первую очередь она служит

не партии, а народу.³ Перед военными реководителями революции встало много неотложных задач. Существующие военные силы надлежало передать под власть революционного правительства, а ненадежные части, если такие найдутся, распустить. Группы борцов за свободу, которые организовались самостоятельно и уже проявили свой боевой пыл, надо было объединить. Новая сила, Национальная гвардия Венгрии, должна была поддерживать правительство революционной Венгрии и обеспечить его безопасность. Для этого революция создала новые институты.

Одним из них был Революционный Совет национальной обороны (РСНО), созданный на съезде полномочных представителей крупнейших групп борцов за свободу и революционных элементов из Народной армии и полиции. Съезд собрался подпольно в здании главного полицейского управления на площади Деак в центре Будапешта. В ночь с 29 на 30 октября я возглавил делегацию представителей съезда, отправленную к премьеру сообщить ему резолюции съезда. Надь принял нас в присутствии прежнего президента Золтана Тилди и коммунистического функционера Золтана Ваша. Он приветствовал создание РСНО и немедленно выпустил коммюнике, переданное будапештской радиостанцией Кошут:

„РСНО будет набирать пополнение из участников революционных сражений, из армии и полиции, из рабочих и молодежных организаций, чтобы восстановить внутренний мир и создать условия для реализации правительственной программы, провозглашенной 28 и 30 октября. РСНО будет выполнять эти функции до приведения к присяге нового правительства, избранного всеобщим тайным голосованием... Имре Надь, председатель совета министров Венгерской Народной Республики”.⁴

РСНО создали участники революции и поддержал Имре Надь и его правительство, признанное подавляющим большинством нации. Таким образом, полномочия РСНО имели два источника: это были революция и государственная власть. Под этой двойной эгидой РСНО вел круглосуточную работу по созданию

– из старой армии и новых элементов – венгерских вооруженных сил, преданных Надю, его правительству и венгерскому народу.⁵ Съезд полномочных представителей революционных организаций Народной Армии учредил Революционный Комитет Оборона Венгерской Республики (РКОВР). В обязанности РКОВР входило управление Народной Армией, которую переименовали в гонвед (традиционное название венгерской армии, упраздненное сталинским режимом). Перед самым завершением работы, 31 октября,⁶ съезд утвердил состав РКОВР из офицеров и рядовых Народной Армии, офицеров полиции и борцов за свободу, проследив, чтобы в РКОВР вошли представители военных из разных областей, из всех родов войск Народной Армии – военных и интендантских частей, как коммунисты, так и беспартийные. И по замыслу, и по составу РКОВР был, безусловно, демократическим институтом, он представлял все роды войск и все уровни военной иерархии.

Все вооруженные силы революции были объединены в Национальную гвардию Венгрии, объединявшую стихийно сформировавшиеся группы борцов за свободу о связавшими с ними свою судьбу частями армии и полиции.⁷ В поразительно короткий срок было создано эффективное верховное командование Национальной Гвардии, и ее штаб стал осуществлять каждодневное руководство. В штаб вошли представители крупных соединений борцов за свободу, посланных своих лучших людей в состав руководства, надежные офицеры генерального штаба прежней армии, офицеры полиции, студенты и делегаты рабочих. Они работали сообща, эффективно и в дружеском согласии.⁸

Враги венгерской революции и симпатизирующие ей иностранцы одинаково полагают, что успех борцов за свободу обеспечило весьма могущественное подполье, подготовившее революцию, но это ничего общего с истиной не имеет. Никто не планировал революцию заранее, так как никто не хотел кровопролития. Большинство населения страстно желало фундаментальных изменений, но эволюционным, а не революционным путем. Верно, что вокруг Имре Нады и его „Нового курса” объединились реформисты. Верно также, что ученые, политические деятели, военные и даже партийные работники присоеди-

нились к Надю, но открыто, а не подпольно. Программа Надя не была планом тайного политического заговора. Суть этой программы и доверие венгров Надю были намного притягательнее, чем могла бы стать какая бы то ни было подпольная группа. Венгры стремились к реформам, а не к революции.

На вопрос, как случилось, что революционные организации, включая генеральный штаб Национальной гвардии, смогли так быстро сплотиться под напором превосходящих сил, можно ответить, что венгров сплотила в 1956 г. совершенно исключительная общность идей. Не надо забывать также, что в сталинистскую эпоху представители всех слоев общества прошли серьезную военную и даже партизанскую подготовку.

Консолидация основных соединений борцов за свободу в Национальную гвардию и формирование командования было закончено 31 октября. В этот день РСНО выпустил манифест, подписанный мною. Он был опубликован в утренних газетах и передан по Радио „Кошут”. В манифесте были четко определены статус и цели Национальной гвардии. В частности, там говорилось: „Национальная гвардия продолжает героическую традицию Национальной гвардии славной революции и борьбы за свободу в 1848 г. Нынешние бойцы Национальной гвардии — продолжатели дела героев Национальной гвардии, разбивших агрессоров в победных битвах при Озоре, Пакозде и в весенней кампании 1849 г. Национальные гвардейцы, солдаты, полицейские, товарищи по оружию! Готовьтесь к битве для защиты нашей священной родины, достижений нашей национально-демократической революции, и окончательного установления революционного порядка. Дисциплинированным поведением умножьте славу, которую вы уже приобрели”.⁹

В этот день съезд РСНО избрал меня главнокомандующим Национальной гвардией, а полковника Шандора Копачи, начальника будапештской полиции, моим заместителем. Об этом было объявлено в отдельном манифесте, провозгласившем цели Национальной гвардии:

„До проведения демократических выборов, мы всеми силами будем содействовать укреплению гражданского порядка и честно выполнять все указания

правительства, чтобы разбить любые попытки восстановления сталинистского режима и других реакционных движений. Забастовка (в знак протеста против советской агрессии) серьезно вредит готовности страны сражаться. Поэтому мы призываем к немедленному окончанию забастовки и возвращению на работу. Как только работа возобновится, Национальная гвардия получит приказ быть в боевой готовности, чтобы вступить в борьбу против агрессоров в случае нового нападения”.¹⁰

В первой фазе революции, до краткого перемирия 28 октября, безымянные борцы за свободу вели стихийные бои, без какой бы то ни было центральной координации. Их поддерживали и им помогали все слои венгерского общества, кроме кучки сталинистов. Во второй фазе, после 28 октября, эстафета перешла к организаторам, объединившим эти разрозненные усилия и консолидировавшие уже достигнутые успехи. Отвага борцов за свободу и самоотверженная деятельность организаторов в начале ноября стабилизировали положение правительства Надя и повысили эффективность новых революционных учреждений. Конечно, сталинисты не были разбиты, а всего лишь отстранены от власти. Некоторые из них выехали за границу, чаще всего в СССР, большинство же просто ушло в подполье. До возобновления советского наступления они сеяли беспорядки, смуту, волнения, но каждый раз усилия контрреволюционеров терпели крах. Не существовало силы, способной соперничать с правительством Имре Надя внутри Венгрии. Такая сила могла появиться только извне. Великая социалистическая держава, Советский Союз, сокрушила демократическое социалистическое правительство в Венгрии.

Ведущая роль рабочего класса после второго советского наступления

Второе советское вторжение началось 1 ноября 1956 г. Это было массированное вступление в Венгрию, сопровождавшееся захватом линий коммуникаций и аэропортов, и посте-

пенным окружением Будапешта. Обычно считают, что это вторжение началось 4 ноября, но на самом деле в этот день уже начали стрелять, вторжение же к этому времени длилось уже 4 дня. К утру 4 ноября большинство революционных институтов прекратили свою деятельность: кабинет министров растаял, и лишь Иштван Бибо, министр без портфеля, оставшись в здании парламента, слал меморандумы иностранным представительством и венгерскому народу. Имре Надь и пять из семи членов организационного комитета обновленной коммунистической партии бежали в югославское посольство, где образовали „временный исполнительный комитет” Венгерской социалистической рабочей партии.¹¹ 22 ноября эта группа была похищена советскими агентами и увезена в Румынию. Различные комитеты и другие формирования были раздавлены контрреволюционным натиском оккупантов. Лишь три вида формирований продолжали существовать и действовать: верховное командование вооруженных сил, организации интеллигенции и, наконец, рабочие советы, которые, безусловно, сыграли самую важную роль и преподали наиболее поучительный урок. Поэтому эта сторона заслуживает наибольшего внимания.¹²

Ранним утром 4 ноября верховное командование революционных вооруженных сил — Революционный Совет Национальной Обороны и верховное командование Национальной гвардии (соединения борцов за свободу), возглавляемые пишущим эти строки, переместили свои штабквартиры в заранее подготовленное место в Сабадшаг Хедь, гористый район в Буде. Оттуда несколько дней спустя они были перемещены в укрепленный замок в Надь Ковачи, маленький город в горах Пилис. В середине ноября в „битве при Надь Ковачи” превосходящие силы советской армии разбили военные соединения, находившиеся в непосредственном подчинении у штаба, после чего верховное командование вооруженных сил эвакуировалось в Австрию.

Различные организации интеллигентов просуществовали дольше. Союз писателей провел собрание 12 ноября и проголосовал против продолжения вооруженного сопротивления, но поддержал основные требования революции: национальная независимость, нейтралитет, демократический социализм. В декларации Союза писателей говорилось о поддержке рабочих и содержа-

лось предложение о сотрудничестве с органами рабочего управления.¹³

Незадолго до этого созданный „Революционный Совет венгерской интеллигенции”,¹⁴ провел собрание 20 ноября под председательством Золтана Кодаи и принял декларацию с протестом против восстановления как капитализма, так и сталинизма. Несколькими днями позже этот Совет признал, что при существующих обстоятельствах рабочий класс является единственной силой, способной защитить завоевания революции. 11 декабря Совет был запрещен властями. Союз писателей прекратил свою деятельность 17 января и впоследствии был распущен.

Только организации рабочего класса сохранили политическую власть в течение довольно длительного периода.

До второго советского наступления 4 ноября центром событий, воплощением принципов и целей революции был Имре Надь с его кабинетом. После 4 ноября ведущая роль перешла к рабочему классу и его организациям. Это не значит, что они не играли заметной роли до второго советского наступления. Рабочие создали широкую, крепкую и надежную базу революции. Они участвовали в сражениях,¹⁵ доставляли оружие и боеприпасы борцам за свободу, работали в различных революционных органах, комитетах и учреждениях. Рабочие выработали революционное сознание и отвергли сталинистскую диктатуру не в 1956 г., а намного раньше. Уже в 1953 г., во время берлинского кризиса, в Будапеште и других индустриальных центрах Венгрии имели место крупные забастовки. Это были первые массовые политические забастовки рабочих в европейских странах, находившихся под советским контролем.

В 1956 г. венгерские рабочие вновь выступили на сцену. Сразу после познаньского взрыва в июне (который, кстати, тоже был реакцией рабочих на советский тип „социализма”) новая волна политических забастовок прокатилась по венгерским промышленным и шахтерским районам. Это были стихийные выступления рабочих, не создавших тогда своих организаций. Потенциальные возможности, присущие рабочему классу, вновь проявились во время революции 1956 г. Как показали дальнейшие события, рабочие создали собственные организации для то-

го, чтобы организованными согласованными массовыми действиями достичь своих политических целей.

Самыми замечательными организациями, свидетельствовавшими о стремлении рабочих к революционным изменениям, были Рабочие Советы. Первый такой совет был образован 24 октября на Egyesult Izzo (электроламповом комбинате). Это большой индустриальный комплекс в Будапеште, насчитывающий более 10 тыс. рабочих.¹⁶ Совет выпустил декларацию, состоявшую из 10 пунктов, в которой предлагалось заменить бюрократическую администрацию советского типа рабочими советами во всех отделах и в центральном управлении комбината. Совет намеревался показать, что рабочее самоуправление в производственном отношении более эффективно, чем контроль партийной бюрократии. После этого фактически все промышленные предприятия в районе Большого Будапешта — и крупные и мелкие — учредили рабочие советы.

Организация рабочих советов происходила не только в Большом Будапеште. Рабочие многих фабрик по всей стране приняли такие же политические решения и столь же быстро организовали такие же советы, как их товарищи в Будапеште. 26 октября первая делегация рабочих из Мишкольца, большого промышленного города на севере графства Борсод, посетила премьера Имре Надя в здании парламента. Делегация представила премьеру программу из 21 пункта, в которой вновь подтверждалось намерение рабочих сохранить в стране социалистические установления и сопротивляться любым усилиям восстановить старый режим; рабочие требовали также опубликования международных договоров о торговле и их пересмотра, имея в виду колониальную природу советско-венгерских экономических отношений; они требовали реформы системы землепользования в интересах трудящихся крестьян с учетом специфических условий Венгрии и солидаризировались с политикой Гомулки в Польше. Несмотря на то, что недовольство рабочих было следствием их неудовлетворительного положения, эта программа, как и все другие, предлагавшиеся представителями рабочих, носила в высшей степени политический характер.¹⁷

Центральный Совет рабочих Большого Будапешта

Рабочие советы росли с большой быстротой. В течение нескольких дней все основные промышленные комплексы имели свои советы, установившие оживленные контакты между собой, поскольку рабочие понимали необходимость кооперирования и координации для их сохранения. В Будапеште и сельских местностях были попытки создать районные рабочие советы. Реальным проявлением власти рабочих стал Центральный рабочий совет Большого Будапешта (далее ЦРСББ). 12 ноября представители рабочих советов девяти главных предприятий встретились, чтобы обсудить создание ЦРСББ.

Собрание затянулось на несколько дней и ежедневно все новые рабочие советы присылали своих представителей. О создании ЦРСББ было объявлено 14 ноября на митинге на "Egyesult Izzo". На митинге присутствовали представители промышленных предприятий Будапешта, Бунапентеле и Секешфехервара.¹⁸ Были зачитаны тезисы, разработанные Иштваном Бибо — членом кабинета Имре Надя. Они гласили: Коммунистическая партия утратила свой престиж. Единственный коммунист, не утративший уважения, это Имре Надь. Поскольку престиж коммунистической партии утрачен, однопартийная система уже невозможна. Ее следует заменить многопартийной системой и восстановить кабинет Имре Надя. Советские войска должны покинуть страну, а Венгрия должна выйти из Организации Варшавского договора. Закон должен охранять социалистический строй и защитить коммунистов. Далее декларировалась свобода частного предпринимательства, разрешение на владение землей до 40 акров, сохранение общественной собственности на шахты, банки и предприятия тяжелой промышленности, коллективная собственность на фабрики с рабочим самоуправлением, участие рабочих в доходах и в распределении прибылей.¹⁹ Собрание, где был образован ЦРСББ, приняло предложения Бибо, и они стали программными на ближайшие месяцы. Собрание провозгласило образование Центрального совета рабочих Большого Будапешта. Его платформа включала ведение переговоров от имени рабочих и принятие решений о начале и окончании забастовок; ЦРСББ требовал восстановления правительства Надя; про-

тестовал против вооружения органов безопасности; требовал всеобщей амнистии для борцов за свободу и вывода советских войск; отказа от однопартийной системы; проведения свободных выборов; запрета деятельности всех политических партийных организаций на промышленных предприятиях. „До тех пор пока мы не получим ответа на наши требования, мы будем работать лишь для обеспечения населения изделиями первой необходимости”. Программа была передана правительству Кадара в тот же вечер, но всеобщая забастовка не была еще провозглашена.

Заседание ЦРСББ продолжалось. Совет избрал своим президентом Шандора Раша и принимал все возрастающее число делегаций рабочих советов по всей стране. Фактически ЦРСББ получил общенациональный престиж и влияние. Однако Раш считал, что учреждение в масштабах Большого Будапешта не может претендовать на общенациональную власть. Поэтому он поддерживал идею создания Национального Совета рабочих. Раш был уверен, что этот совет фактически заменит установленный советским руководством режим Яноша Кадара. Он заявил: „... нам не нужно правительство. Мы стали руководителями Венгрии. Организации (Коммунистической партии) не нужны, их следует удалить с фабрик”.²⁰ Но несмотря на уверенность в своих силах, которая, кстати, отражала истинное соотношение сил внутри страны, рабочие продолжали переговоры с режимом Кадара.

Газета „Непсабадшаг”, официальный орган Венгерской социалистической рабочей партии, 15 ноября опубликовала отчет об этих переговорах. Чтобы подчеркнуть важность встречи с рабочими, на ней присутствовал сам Кадар. Представители рабочих передали ему тезисы Бибо и резолюцию митинга 14 ноября об учреждении ЦРСББ. Кадар ответил, что переговоры могут начаться, только если Имре Надь выйдет из югославского посольства и с ним будет достигнуто соглашение. „Мы согласны на многопартийную систему, — сказал Кадар, — и на честные выборы... Мы (коммунисты), может быть, потерпим сокрушительное поражение на выборах, но, вступив в предвыборную борьбу, коммунистическая партия может восстановить силы и вновь обрести доверие рабочих масс”. Далее Кадар заявил, что

„... продолжение забастовок приведет к инфляции и голоду. Если забастовки продлятся еще неделю или две, мы станем нищими...” Он заверил делегатов, что участники событий не будут никак наказаны и не будут депортированы в СССР.²¹

Даже советское командование признавало, что единственной силой в Венгрии, кроме их вооруженных сил, являются рабочие организации. В подтверждение этого факта советский полковник с переводчиком был делегирован к ЦРСББ. Но отношение советского командования к ЦРСББ полностью изменилось в декабре, после того как советский командующий генерал Гребенник был замещен генералом службы госбезопасности Иваном Серовым.²² Это было началом нового разгула террора. ЦРСББ, благодаря своей энергичной деятельности, стал признанным представителем рабочего класса всей страны. Платформа ЦРСББ приобрела общенациональное признание. Однако его руководство продолжало усилия по созданию Национального рабочего совета. Подготовительная работа была завершена 18 ноября. В этот день был опубликован призыв создать Парламент рабочих советов из 156 депутатов, избранных районными рабочими советами Будапешта и советами рабочих по всей стране. Крупные заводы должны были избрать собственных делегатов. Парламент должен был избрать президиум из 30 членов, т. е. исполнительный комитет, который, в свою очередь, кооптировал бы 20 представителей университетов, армии, полиции, организаций интеллигенции и т.д. включая представителей разных партий — социал-демократической партии, мелких сельских хозяев, Национальной крестьянской и Венгерской социалистической рабочей партии.²³

Этот проект был принят 19 ноября, в соответствующие организации было разослано предложение избрать делегатов на съезд парламента, который должен был состояться в Будапеште 21 ноября. Избранный съездом рабочий центр стал бы органом власти, противостоящим режиму Кадара, т. е. возникло бы двоевластие, как после Февральской революции в России. Рабочие настолько были уверены, что реальная власть в их руках, а не у Кадара, что приглашали правительство Кадара и советских представителей присутствовать на съезде в качестве наблюдателей. Однако концентрация советских танков вокруг стадиона

и массовые аресты воспрепятствовали открытию запланированного съезда. Тем не менее, избежавшие ареста и не поддавшиеся запугиванию, собрались в здании ЦРСББ. Это были представители Будапешта, Дьера, Везспрема, Татабани, Печа, Комло, Озда и Шальготарьяна. К ним присоединились несколько представителей крестьян и интеллигенции. На этом собрании были установлены контакты между ЦРСББ и советами по всей стране. Итоговое заявление гласило, что сотрудничество с режимом Кадара откладывается до удовлетворения требований рабочих.²⁴

На следующий день, 22 ноября, венгры были потрясены известием, что Имре Надь и его сотрудники похищены советскими военными и отправлены в Румынию. Это предательство и препятствование советских вооруженных сил проведению организационного собрания Национального рабочего совета еще более сплотило рабочих. Отношения между рабочими советами и режимом Кадара в высшей степени обострились. 23 ноября ЦРСББ рекомендовал ознаменовать день революции двухчасовой молчаливой демонстрацией. И действительно, между двумя и тремя часами пополудни улицы Будапешта совершенно опустели. Это было поистине громовое молчание, которое продемонстрировало престиж ЦРСББ и массовую поддержку его населением столицы. Кризисное положение режима Кадара и влияние рабочих советов вынудили Кадара считаться с ними и при отсутствии общенационального центра. 22 ноября Президиум правящей партии издал декрет о легализации рабочих советов. Среди прав рабочих советов промышленных предприятий упоминались: контроль за руководством; участие в составлении производственных планов; определение зарплат. Среди обязанностей упоминались: обеспечение непрерывности и эффективности производственного процесса; выполнение обязательств перед государством; совместная с профсоюзами разработка коллективных договоров; определение необходимого числа рабочих, планирование организации труда; распределение работников по категориям заработной платы; использование доходов предприятия; определение его финансовой политики. Директора утверждались в должности советом рабочих, который мог предлагать кандидатуры на этот пост и смешать с него. Постоянные рабочие советы должны были избираться демократическим путем.

ЦРСББ отверг этот декрет и начались длительные переговоры по внесению в него поправок. Главным пунктом несогласия с проектом был экономический, но не политический характер предоставленных рабочим прав.²⁵ Весьма интересно сравнить проект, предлагавшийся режимом Кадара, с поддержанным рабочими на заседании ЦРСББ 31 октября. В то время они сами делали упор на том, что рабочий совет должен быть производственным, а не политическим учреждением. Для сравнения я привожу в приложении к этой статье текст проекта 31 октября.

Одно из заседаний представителей ЦРСББ и режима произошло 25 ноября в здании парламента. На этом заседании снова присутствовал Кадар. Сам факт переговоров на столь высоком уровне свидетельствовал, что режим Кадара не мог пренебрегать влиянием ЦРСББ. В заявлении от 27 ноября ЦРСББ открыто провозглашал свою цель приобретения или хотя бы разделения политической власти: „... мы получили наши полномочия от рабочего класса... и будем работать, не покладая рук, ради усиления власти рабочих...“²⁶

Переговоры продолжались, но компромисс так и не был достигнут. Расхождения между режимом и рабочими советами даже возросли со времени кризиса 22 ноября. 4 декабря исполнился месяц со дня начала второго советского наступления. Этот день был отмечен массовой демонстрацией протеста на улицах Будапешта, которую провели женщины, одетые в черное. Они прошли к могиле неизвестного солдата и возложили на нее венки. Руководство рабочих полагало, что Кадар как советский агент, не имеющий никакой опоры для своей власти в Венгрии, а, возможно, и советское руководство, осознают, в конце концов, что консолидация в Венгрии может быть достигнута только путем переговоров с ЦРСББ, которому доверяют массы и который располагает реальной базой власти в Венгрии. ЦРСББ послал письмо маршалу Булганину, тогдашнему премьер-министру СССР, с указанием, что „единственным результатом любых мер правительства против революционных элементов будет раскол лучших и наиболее прогрессивных сил социализма в Венгрии“.²⁷

Отсутствие прогресса в переговорах между режимом Кадара и рабочими советами, как и отсутствие ответа из Москвы, не обескуражили рабочих лидеров, продолжавших разработку

долговременных планов. Они были убеждены, что в эру двое-властия полномочия режима Кадара эфемерны, поскольку держатся лишь на поддержке советских оккупационных сил, в то время как рабочие советы имеют реальную власть, и внутри страны у них нет конкурентов. Даже официальная история движения за рабочие советы, часто цитируемое сочинение Яноша Молнара, признает, что к концу ноября власть рабочих советов была очень сильна. Молнар перечисляет следующие факторы укрепления власти рабочих советов: 1) разброд в организациях социалистической рабочей партии, 2) похищение Имре Надя, возмущившее общественность и усилившее поддержку рабочих советов, 3) усиление влияния в советах при снижении влияния желавших сотрудничать с режимом.²⁸

В такой обстановке снова были предприняты усилия по превращению Национального Совета рабочих в парламент. Правительство всячески старалось воспрепятствовать этому. План был таков: создать Национальный Совет рабочих, который руководил бы страной до избрания на свободных и демократических выборах новой Национальной Ассамблеи. Выборы планировались на 23 октября 1957 г. Аресты вызывали стачки; демонстрации подавляли с пролитием крови советские войска, так была разогнана демонстрация в Шальготарьяне, большом промышленном городе на севере страны. Режим пытался организовать вооруженные силы для охраны промышленных предприятий, но это уже сделал ЦРСББ. Рабочие подкрепили свою политическую власть, создав собственные вооруженные отряды. Организационное собрание по учреждению Национального рабочего совета было проведено 9 декабря, хотя многие его делегаты были арестованы до этого. В знак протеста против арестов и кровавой бани в Шальготарьяне была объявлена и проведена 48-часовая всеобщая забастовка. Янош Кадар пригласил на совещание двух руководителей ЦРСББ — президента Шандора Раша и Шандора Бали. Когда они пришли в здание парламента, их обоих арестовали. Эти аресты были первыми свидетельствами нового разгула террора. 13 декабря были восстановлены ненавистные сталинистские концентрационные лагеря, начались заключения в тюрьмы без суда. Рабочие советы по всей стране были запрещены. Однако всеобщая забастовка не прекратилась.

Газета „Непсабадшаг” писала, что такой забастовки „никогда прежде не было в истории венгерского рабочего движения”.²⁹

Рабочее движение продолжалось, не ослабевая, так что 5 января 1957 г. режим вновь объявил деятельность рабочих советов противозаконной и ввел смертную казнь за забастовки. 8 января Совет рабочих сталелитейного завода в Чепеле заявил:

„При существующих обстоятельствах мы не можем более выполнять наши обязанности... и поэтому слагаем с себя полномочия, данные нам рабочими”.³⁰

Самороспуск советов происходил по всей стране, но не без возобновления кровопролития, как, например, в Чепеле, где советское командование смогло разогнать демонстрацию 10 января 1957 г. только стрельбой. Янош Молнар утверждает, что это была последняя крупная демонстрация против режима Кадара, руководимая центром рабочих советов.³¹

Но ЦРСББ продолжал действовать в подполье. 15 января было выпущено заявление:

„Из-за террора и смертной казни даже за распространение листовок, Совет призывает рабочих распространять все новости, касающиеся подполья, устно. Саботаж и пассивное сопротивление сейчас на повестке дня”.³²

Несмотря на повторяющиеся — но безуспешные — запрещения советов, преследования, военное положение, приказы о смертной казни за забастовки, политическая деятельность ЦРСББ продолжалась. Наиболее действенным политическим оружием были, конечно, забастовки, применявшиеся советами так часто и эффективно, что Пал Кескемети высказал такое убеждение:

„Насколько я знаю, это первый раз в истории, что синдикалистский миф о всеобщей революционной забастовке, созданный Жоржем Сорелем, действительно стал основой длительной политической акции всего рабочего населения страны”.³³

Всеобщие забастовки под политическими лозунгами преследовали различные цели до и после 4 ноября. До второго советского нападения стачки должны были помочь Имре Надю сплотить силы против сталинистской контрреволюции. После 4 ноября, целью стачек было консолидировать власть рабочих советов и воспрепятствовать консолидации контрреволюционного режима Кадара. Я не сомневаюсь, что если бы венгерский народ мог действовать самостоятельно, режим Имре Надя остался бы у власти, завершил бы революцию и укрепил ее завоевания. После второго советского нападения, если бы советское руководство ограничилось уничтожением правительства Имре Надя, но дало бы возможность рабочим массам действовать по их усмотрению, власть рабочих пережила бы советское нападение, но в итоге не режим Кадара, а Национальный Совет рабочих стал бы править Венгрией. Как глубоко укоренились рабочие советы в венгерском обществе за короткий период в два месяца, ясно продемонстрировал тот факт, что после повторных приказов о роспуске советов и преследованиях против них, режим Кадара был вынужден в 1958 г. снова запретить рабочие советы. Настолько глубоким, ярко выраженным, сознательным и эффективным оказалось движение рабочих советов в Венгрии. Советы рабочих установили свой контроль над промышленными предприятиями и этим сокрушили сталинистскую практику тоталитарного государственного и партийного контроля над правительством. Это открыло путь к обществу

„... которое, — по словам Билла Ломанса, — было первоначальной целью марксизма и социализма, где иерархию сменило бы равенство, политические учреждения были бы заменены органами народной власти, политическая власть была бы заменена общественной властью и управление людьми было бы заменено управлением вещами”.³⁴

Итоги революции

Всеобщее значение венгерской революции 1956 г., возможно, наиболее красноречиво охарактеризовал выдающийся советский инакомыслящий, покойный Андрей Амальрик в письме ко мне из Утрехта (Голландия) от 12 апреля 1977 г., где он писал:

„... Я думаю, что венгерская революция 1956 г. была поворотным пунктом в истории коммунистического блока. Она не привела — и не могла привести — к крушению этого блока или освобождению Венгрии, но она ясно показала, что есть два пути сопротивления. Первый — это национальная оппозиция господству советского коммунизма. Такие разнородные феномены, как национальный коммунизм в Румынии, национальное движение в Словакии в 1967–1968 гг., подъем национальных чувств в СССР так же как „еврокоммунизм” — все это было бы одинаково невозможно без венгерского примера.

Другой путь — это сопротивление общества. Ни „пражская весна”, ни волнения рабочих в Польше, ни движение за права человека в СССР не могли бы возникнуть без венгерской революции 1956 г.

Таким образом, когда я говорю о венгерской революции как о поворотном пункте, я имею в виду переход от пассивного принятия вещей такими, каковы они есть, и чувства отчаяния к осознанию того, что мир может измениться и изменится, хотя для этого потребуются много лет и огромные жертвы. Уже сейчас можно сказать, что эти жертвы были не напрасны. Венгрия потому является сейчас самой свободной страной Восточной Европы, что венгры продемонстрировали свою способность сопротивляться с оружием в руках. Хотя революция была подавлена, коммунистическая власть не могла не запомнить этот урок.

События 1956 г., кульминацией которых была венгерская революция, произвели глубокое впечатление на

меня и все мое поколение. У нас есть все основания называть себя поколением 1956 г. На всем, что мы уже сделали и еще сделаем, лежит отпечаток этого героического года...»³⁵

Таково общее влияние революции. Но каковы были ее итоги для венгерского народа? Широко распространена ложная идея, что режим Кадара реализовал многие требования революции. Это чрезвычайно далеко от истины. Чтобы выработать верное представление на этот счет, мы должны сравнить с разных точек зрения лозунги революции и недавний „Манифест” демократической оппозиции в Венгрии.

Наиболее полно идеи революции выражены в „Шестнадцати политических, экономических и идеологических требованиях”, принятых на пленарном заседании Технологического института строительной промышленности в Будапеште 22 октября 1956 г.³⁶ Требования этой резолюции таковы: вывод советских войск в соответствии с мирным договором; выборы нового партийного руководства; создание нового правительства под руководством Имре Надя; перевыборы Национальной ассамблеи на основе всеобщего и тайного голосования при участии разных партий; право трудящихся на забастовки; полное равноправие СССР и Венгрии; перестройка плановой экономики с учетом интересов Венгрии; пересмотр международных торговых соглашений и их публикация; полная свобода убеждений и высказываний, свобода печати и средств массовой коммуникации; солидарность с польским национальным движением за независимость.

Общая характеристика этих требований — стремление к установлению плюралистического общества и демократического правительства; требование справедливости. Это была революция во имя справедливости.

В высшей степени интересно, что нынешний режим Янош Кадара превратил страну, как говорят, „в самый счастливый брак в советском концлагере” — другими словами, этот режим дает населению больше материальных благ, чем имеют граждане других стран Восточной Европы, и является самым терпимым во всем советском блоке. Потребительский коммунизм режима К

дара и его относительная терпимость, конечно же, высоко ценятся населением. Тем не менее, отсутствие „справедливости” в повседневной жизни тяжело ощущается народом, как это было и в 1956 г.

В рамках Хельсинкского процесса в Венгрии в октябре-ноябре 1985 г. был проведен официальный „культурный форум”, на котором присутствовали представители всех стран, подписавших Хельсинкские соглашения. Демократическая политическая оппозиция инакомыслящих интеллигентов провела „альтернативный форум”, и выпустила свой Манифест.³⁷ Стремление к справедливости столь же присуще этому манифесту, как и „16 требованиям” молодежи, опубликованным в 1956 г.

„Манифест венгерской демократической оппозиции” требует свободы печати; свободы научных исследований; свободы культурного обмена между Венгрией и Западом; выступает в защиту подавляемых венгерских меньшинств в Румынии и Словакии; требует свободы религии; Манифест требует „больше культуры, меньше управления” и завершается так:

„Мы требуем восстановления культурных свобод, расширения общественной инициативы и контроля (в противовес партийным и правительственным инициативе и контролю) в культурной жизни и международных культурных контактах”.

Совпадение и различие требований времен революции с требованиями теперешней демократической оппозиции в Венгрии показывают, что режим Кадара, пусть, самый терпимый в Восточной Европе, не выполнил основных требований венгерской революции, и стремление к их воплощению в жизнь до сих пор подавляется в Венгрии.

ПРИЛОЖЕНИЕ
ОСНОВНЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ
РАБОЧИХ СОВЕТОВ

Одобрено на заседании ЦРСББ 31 октября 1956 г.

- 1 Промышленные предприятия принадлежат рабочим. Последние будут платить государству налоги, рассчитываемые в соответствии с выпуском продукции и получаемой прибылью.
- 2 Главным органом управления промышленного предприятия является Рабочий совет, демократически избираемый рабочими.
- 3 Рабочий совет избирает исполнительный комитет из 3—9 членов, который действует как исполнительный орган Рабочего совета, выполняя возложенные на него задачи и решения.
- 4 Директор промышленного предприятия является его наемным работником. Директор и служащие высших рангов избираются Рабочим советом. Эти выборы проводятся после созыва исполнительным комитетом общего собрания работников предприятия.
- 5 Директор ответственен перед Рабочим советом во всем, что касается промышленного предприятия.
- 6 За рабочим советом сохраняются все следующие права:
 - а) Одобрение и ратификация всех проектов, касающихся предприятия;
 - б) Решение вопросов об уровне зарплаты и методов его определения;

- в) Решение всех вопросов, связанных с иностранными контрактами;
- г) Решение о проведении всех операций, связанных с кредитами;

- 7 Таким же образом, Рабочий совет разрешает все вопросы, связанные с наймом и увольнением рабочих на предприятии.
- 8 Рабочий совет имеет право проверять балансовые счета и выносить решения об использовании прибыли.
- 9 Рабочий совет занимается всеми социальными проблемами на предприятии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См. "The Hungarian Revolution and Soviet Readiness to Wage War Against Socialist States" in B.K. Kiraly, B. Lotze and N.F. Dreisziger, *The First War Between Socialist States: The Hungarian Revolution of 1956 and Its Impact*. New York: Social Science Monographs, distributed by Columbia University Press, 1984, pp. 3—34.

2 Я излагал этот тезис в нескольких статьях, приуроченных к двадцатой годовщине революции. См. напр. "The First War Between Socialist States," *Canadian-American Review of Hungarian Studies* (Kingston, Ontario) 2, no. 2 (Fall 1976: 10—18, "Budapest 20 Years Ago," *New York Times*, October 23, 1976; "Prima guerra fra comunisti," *Il Giornale* (Milan), October 23, 1976; "Az első háború szocialista országok között," *Irodalmi Ujság* 27, No. 9—10 (September—October 1976). See also the thesis broadly stated in Kai Hermann, "Der Aufstand," *Stern*, No. 47 (1976).

3 См. Peter Gosztony, *Zur Geschichte der europäischen Volksarmeen* (Bonn-Bad Godesberg, n.d.).

4 *A magyar forradalom és szabadságharc a hazai rádióadások tükrében 1956 október 23—november 9* (New York 1957) pp. 186—87.

Более подробно в моей статье "The Organization of National Defense during the Hungarian Revolution," *The Central European Federalist* 14, No. 1 (July 1966): 6—16.

5 Штаб РНО был создан по принципу широкого представительства. Поскольку штаб должен был начать работу как можно скорее, единственным критерием включения в него была преданность делу революции и организационные способности человека. Следует отметить, что исследователи венгерской революции часто искажают данные, стремясь доказать, что представители Народной Армии систематически отстранялись от работы в штабе. Janos Molnar, *Ellenforradalom Magyarországon 1956*

ban: A polgári magyarságok biralata (Budapest, 1967), pp. 195—96.

6 *A magyar forradalom*, p. 212.

7 *Az ellenforradalmi erők a magyar októberi eseményekben*, 4 vol. (Budapest, 1957), 3:70.

8 *A magyar forradalom*, pp. 108—110.

9 *Ibid.*, pp. 255—56.

10. *Ibid.*, pp. 340—41.

11 Molnar, Janos, *A nagybudapesti központi munkástanács* (The Central Workers' Council of Greater Budapest) Budapest: Akadémiai Kiadó, 1969, p. 28.

12 Самую подробную работу о рабочих советах к настоящему времени написал Bill Lomax *Hungary 1956* New York: St. Martin Press, 1976.

13 Janos Molnar *A nagybudapesti központi munkástanács* (The Central Workers' Council of Greater Budapest) Budapest: Akadémiai Kiadó, 1969, p. 54.

14 Революционный совет венгерской интеллигенции был сформирован 28 октября, а позже на его основе был создан Революционный совет венгерских интеллектуалов. В него вошли представители 44 организаций — университетов, исследовательских институтов, союзов писателей, художников, молодежи. Этот комитет поддержал манифест ЦРСБ от 2 декабря.

15 80—90% раненых борцов за свободу были молодыми рабочими. Больше всего разрушены были заводские кварталы. Lomax, *op. cit.*, p. 149.

16 Это было сообщено по радио „Кошут” 26 октября. 3:48 PM (*A magyar forradalom és szabadságharc a hazai rádióadások tükrében*) (The Hunga-

rian Revolution and Freedom Fight in the Mirror of Domestic Radio Broadcast] 1956 October 23–November 9. New York: Radio Free Europe Press, 1957, p. 64.

17 Подробности там же, на стр. 62.

18 Janos Molnar *A nagybudapesti...*, p. 54.

19 Ibid., p. 55. Also Lomax *Hungary...*, p. 152.

20 Ibid., p. 62–63. Also, Janos Molnar *A nagybudapesti...*, pp. 62–63.

21 Melvin J. Lasky *The Hungarian Revolution: The Story of the October Uprising as Recorded in Documents, Dispatches, Eye-Witness Accounts and World-Wide Reactions*. New York: Frederick A. Praeger, 1967, pp. 262–263.

22 Lomax *Hungary...*, p. 158.

23 Кооптированы должны были быть только партии, поддерживающие социалистическую теорию, среди них социал-демократическая партия, партия мелких хозяев, Национальная крестьянская партия и Венгерская социалистическая рабочая партия. Janos Molnar *A nagybudapesti...*, p. 64.

24 Lomax *Hungary...*, p. 160.

25 Janos Molnar *A nagybudapesti...*, pp. 89–90.

26 Lomax, *Hungary...*, p. 162.

27 Ibid., p. 166.

28 Janos Molnar *A nagybudapesti...*, pp. 67–68.

29 Lomax *Hungary...*, p. 168.

30 Ibid., p. 169.

31 Janos Molnar *A nagybudapesti...*, p. 140.

32 Lomax, *Hungary...*, p. 168

33 Paul Kecskemeti *The Unexpected Revolution: Social Forces in the Hungarian Uprising*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1961, p. 115.

34 Lomax, *Hungary...*, p. 203.

35 Полный текст письма приведен в работе под редакцией Kiraly, Lotze, Dreiszinger: *The First War Between Socialist States...*, pp. 531–532.

36 United Nations *Report of the Special Committee on the Problem of Hungary*. New York: General Assembly Official Records: Eleven Session Supplement No. 18 (A–3592), 1957, p. 69.

37 Полный текст приведен в работе *Becsi Naplo* Viennese Herald, 1985, November–December issue, Vol. VI, No. 6, pp. 1 & 2.